

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-185

EDN: NPRGEX

Архитектоника советского в современной научной мысли

Татьяна Семеновна Злотникова

Доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

cij_yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Аннотация. В настоящей статье происходит диалог автора с коллегой, философом С. А. Никольским, по поводу понятия и структуры такого значимого философского, социально-нравственного и культурологического понятия, как *советское*.

При обсуждении *советского* как идеологической системы, как совокупности политических и социально-нравственных акций, исследователи чаще всего сосредоточивают свое внимание на смыслоположении феномена *советское*. «*Советское*» – прилагательное, употребленное С. Никольским в среднем роде и данное без существительного, является широким и значимым, самостоятельным понятием. Книга 1 содержит постановку проблемы, и рядом с *советским* в заголовке фигурируют два теоретически значимых концепта: «идея» и «практика». Каждое из двух слов дано в единственном числе, и то, что рядом стоят понятие-философема (идея) и понятие-текст (практика), – придает простоту, убедительность и решительную определенность следующей за этим заголовком книге. Книга 2 содержит разворот конкретных примеров и анализа, развивая мысли, которые высказывались и доказывались по другим поводам этим автором: «философско-литературный анализ» – важное продолжение работ С. Никольского, который не раз настаивал на том, что русская литература – это философствующая литература, а русские писатели – это писатели-философы.

В новых книгах они еще и пророки, провидцы и провозвестники. А советское предстает как сложная система, как структура, состоящая из нескольких уровней (социального, нравственного, художественно-эстетического) и множества ответвлений – философско-антропологических, межкультурных, групповых и массовых. *Советское* в версии С. Никольского многогранно и динамично. Именно в этом видится его архитектоника, проанализированная современным философом.

Ключевые слова: *советское*; историкофилософский и литературно-философский анализ; вера; фанатизм; фантазия; архитектоника

Для цитирования: Злотникова Т. С. Архитектоника *советского* в современной научной мысли // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). С. 185–191. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-185>. <https://elibrary.ru/NPRGEX>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART
(CULTUROLOGY, ART CRITICISM)

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

Architectonics of *the soviet* in modern scientific thought

Tatiana S. Zlotnikova

Doctor of art criticism, Honored scientist of the Russian Federation, professor of department of culturology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
cij_yar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Abstract. In this article the author has a dialogue with his colleague, philosopher S. A. Nikolsky, regarding the concept and structure of such a significant philosophical, socio-moral and cultural concept as *the soviet* one.

When discussing *the soviet* as an ideological system, as a combination of political and socio-moral actions, researchers most often focus on the meaning of the soviet phenomenon. «*Soviet*» is an adjective used by S. Nikolsky in the middle gender and given without a noun, is a wide and significant, independent concept. Book 1 contains a formulation of the problem, and next to *the soviet*, two theoretically significant concepts appear in the title: «*idea*» and «*practice*». Each of the two words is given in the singular, and the fact that the concept-philosopheme (*idea*) and the concept-text (*practice*) are nearby – gives simplicity, persuasiveness and decisive certainty to the book following this title. Book 2 contains a spread of concrete examples and analysis, developing thoughts that were expressed and proved on other occasions by this author: «*philosophical and literary analysis*» is an important continuation of the work of S. Nikolsky, who has repeatedly insisted that Russian literature is philosophizing literature, and Russian writers are writer-philosophers.

In the new books they are also prophets, visionaries and proclaimers. And *the soviet* appears as a complex system, as a structure consisting of several levels (social, moral, artistic and aesthetic) and many branches – philosophical and anthropological, intercultural, group and mass. *The soviet* in the version of S. Nikolsky is multifaceted and dynamic. It is in this that its architectonics is seen, analyzed by a modern philosopher.

Key words: soviet; historiophilosophical and literary and philosophical analysis; faith; bigotry; fantasy; architectonics

For citation Zlotnikova T. S. Architectonics of *the soviet* in modern scientific thought. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (3): 185-191. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-185>. <https://elibrary.ru/NPRGEX>

Введение

При обсуждении *советского* как идеологической системы, как совокупности политических и социально-нравственных акций, исследователи чаще всего сосредотачивают свое внимание на смыслополагании феномена «*советское*».

Наше внимание, как и внимание коллег, в разное время привлекали работы, посвященные не советской системе как социокультурному феномену, а советскому человеку, представленному и в пространных, активно поддерживавших советский опыт исследованиях второй половины XX века [Смирнов, 1980; Вайль, 1998], и в детализированных, построенных на попытках индивидуализировано-детерминированного понимания «обыкновенного человека» [Козлова, 2005].

Важным в интересующих нас исследованиях следует считать не политико-идеологическую ориентацию исследований, а экзистенциальный философский дискурс, который был осуществлен авторами как более раннего, собственно советского периода [Мамардашвили, 1992], так и нашими современниками [Тульчинский, 2018]. Важными в относительно последнее время стали исследования локальных феноменов советской эпохи и, в частности, советской культуры, творчества отдельных писателей, кинорежиссеров, композиторов. Отметим и обобщающие междисциплинарные коллективные исследования, появившиеся в недавнее время [Советское бытие, 2022].

У автора новых книг о феномене *советского*, С. Никольского, немало ярких и подчас противоречивших друг другу предшественников: апологетов и решительных критиков.

1. Персональный дискурс советского как историософской проблемы.

В книгах С. Никольского *советское* представлено как четко осознаваемая исследователем структура, обладающая определенной архитектурой. Эта архитектура имеет как минимум два уровня, каждый из которых видится автору в нескольких ответвлениях. Первый уровень, представленный в первой книге, характеризуется социально-политическим опытом и философско-политическими идеями (от «русского марксизма» до коллективизации). Второй уровень, представленный во второй книге, опирается на опыт художественной культуры, в первую очередь, литературный опыт.

Важный разворот содержания книг – присутствие динамики, постоянное ощущение процессуальности тех событий и явлений, о которых идет речь в исследовании.

Два раздела первой книги – это небуквальное, но содержательно значимое выражение названной динамики. Автор идет от «предпосылок» к «первым воплощениям советского». И понимает автор предпосылки широко и разнообразно.

Если в **первой книге** [Никольский, 2023] динамика развивается от события к событию, от одного социально-политического поворота к другому, и это создает «воздух» контекста, то **во второй книге** [Никольский, 2024] царит персона – в широком смысле. Это персона творца, персона создателя художественных образов.

Контекст сам по себе – важнейшая культурно-философская категория, на основе которой может изучаться фундамент жизни государства; но контекст не существует сам по себе, вырастая из увиденной автором исследования совокупности явлений, событий, людей.

К примеру, важная особенность историко-культурного контекста, который предстает во второй книге, – это отбор персон, в которых автор книг видит основы позднейших явлений национальной политики и культуры. У С. Никольского таким контекстом, в частности, являются двое из всего богатства русской классики – Ф. Достоевский (глава 9) и М. Горький (глава 10). Естественно, возникает вопрос: почему эти, только двое, не Пушкин, не Чехов, почему именно писатели, не ученые, не Менделеев или Циолковский? Ответ – в тексте. Причем, и это следует отметить особо, как в тексте современного автора, Никольского, так и в текстах авторов, на чьи произведения опирается наш современник. Обращаем внимание на эти две главы потому, что,

как и автор новых книг, Никольский, автор статьи видит в двух названных авторах особую значимость и для культурно-философского, и для историософского понимания России, ее жизненных смыслов и, в частности, для формирования феномена *советского*.

Определенное сходство интересов имеется у нас с автором рассматриваемых книг. Никольский не раз обращался к творчеству данных авторов, как Достоевского [Никольский, 2021], так и Горького [Никольский, 2018]. Это неоднократно делала и автор данной статьи применительно к Горькому [Злотникова, 2011] и к Достоевскому [Злотникова, 2021]. Отсюда вытекает определенность нашего интереса к двум писателям-философам и возможная взаимная полемичность наших с Никольским позиций. Это касается многих аспектов понимания Достоевского и Горького, причем не только в аспекте проблематики как объекта научного интереса, но и в аспекте выбора произведений для анализа и выявления художественной и духовной ориентации писателей. И здесь у нас с коллегой различий больше, чем сходства. Что естественно для философских и культурологических штудий.

Для Никольского у Достоевского одно из главных произведений – «Братья Карамазовы». Нет спора, произведение программное и значимое в социальном, религиозно-нравственном отношении. Солидаризуясь с другим нашим коллегой, Г. Тульчинским [Тульчинский, 2018], Никольский сосредоточивает свой интерес на философии зла как категории не бытовой, а сказочной, разумеется, и религиозно детерминированной. Вторая категория, интересующая у Достоевского Никольского, – правда в специфическом ее качестве, удаленном от истины. Предпосылки *советского* Никольский видит у Достоевского и в связи со злом, и в связи с правдой, называя эти предпосылки весьма оригинально: «темпоральные экзистенциальные смыслы» [Никольский, 2024, с. 64]. Если для нас у Достоевского (в «Идиоте», в «Преступлении и наказании», да и в «Братьях Карамазовых») центром художественных текстов является человек, взыскующий понимания, любви и милосердия, то для Никольского центром является социальная страсть к действию, доходящая до жестокости. Никольский подчеркивает специфичность русского человека у Достоевского, тогда как нам представляется важной у писателя «всечеловечность». Как специфически русский топос Никольский выделяет Скотопригоньевск и Петербург, с чем

нельзя не согласиться, но отмечает еще третий топос, непоименованный губернский город, с чем мы не соглашаемся, ибо уездный Ското-пригоньевск и упомянутый губернский город весьма схожи по степени погруженности в зыбкое и гадкое провинциальное миропонимание. А вот с чем необходимо согласиться, так это с тем, что Никольский персонажей называет не просто отдельной личностью, но «типом человека», подчеркивая темпоральную обобщенность экзистенциальных смыслов [Никольский, 2024, с. 66]. Типологичность, найденная Никольским у социально-жесткого Достоевского, – это его философская, значимая и чрезвычайно актуальная смысловая парадигма.

Наконец, отметим принципиально важный для Никольского принцип, выявленный и подчеркнутый у Достоевского как предшественника *советского*. Речь идет о кровавой жестокости, которую допускают мысленно и в своих действиях персонажи Достоевского (Раскольников, Дмитрий Карамазов, список можно продолжить) и которая стала одним из признаков советской эпохи в первые десятилетия существования нового государства. При формальном противопоставлении жестокости и поиска религиозных смыслов старцами у Достоевского Никольский видит в этой оппозиции скорее логическую связь явлений, чем их антагонизм. Старчество, как подчеркивает Никольский, у Достоевского вовсе не благостно, оно парадоксально опирается на самовластье «личной воли» [Никольский, 2024, с. 73]. Страшное и бессильное, трагическое и уродливое – это экзистенциальные смыслы, найденные Никольским у Достоевского. И в этом, принципиально, с автором современного исследования нельзя не согласиться.

Для Никольского историсофский дискурс М. Горького основывается на таких произведениях писателя, как «Мать», «Жизнь Клима Самгина», как ни покажется странным, «Челкаш», поскольку в этих произведениях современный философ видит воплощение темы «добротного (честного) человека и народа» [Никольский, 2024, с. 84]. Эта позиция не вызывает у нас полного согласия или притяжения, поскольку нам представляется предвестие *советского* не в этих, публицистически-прямолинейных произведениях, а в произведениях, наполненных поиском правды и, шире, смысла жизни. Экзистенциальный дискурс «На дне», «Вассы Железновой» – это наша версия предвестия *советского* у Горького.

Никольский, однако, прав, тактично отмечая, что Горький не пытался «сделать из народа источник тепла и света» [Никольский, 2024, с. 99]. Однако Никольский видит у Горького прежде всего политизированность, проявляя таковую и сам, подчеркивая в «Климе Самгине» антитезу интеллигенции и народа, отмечая, что «иногда народ вынуждает интеллигенцию быть участником действия, инициированного им» [Никольский, 2024, с. 101].

Продолжая линию исследования Горьким параллелью его с А. Чеховым, Никольский иронически называет этих писателей «печальниками», словно бы принципиально не замечая ироничности обоих писателей по отношению к пьяному (пьющему) и неуместно болтливому русскому – не столько мужику, сколько псевдоинтеллигенту. Таковым, с нашей точки зрения, выглядит у Горького Протасов в «Детях солнца», инженеры-«преобразователи» в «Варварах», а у Чехова – Астров в «Дяде Ване» и даже, как сказал Горький об одном из своих персонажей, «обынтеллигентнившийся» Лопахин в «Вишневом саде». Если коллега Никольский рассматривает Горького как человека, который видел или хотел видеть в народе и интеллигенции ростки *советского* как позитивного начала, то нам представляется, что все более разочаровывавшийся в народе (и в интеллигенции) Горький испытывал либо раздражение, либо чувство стыда по отношению к этим двум «слоям». И знаменитая издательская реплика «а был ли мальчик?» у Горького звучит как предположение, что, если мальчик и был, то виновные в его гибели – очевидны. Это ли не приговор? Это ли не предположение относительно зыбкости *советского* обнаруженных у Горького предпосылках?

2. Литературно-философский контекст *советского*.

Квинтэссенцию двух вышедших одновременно и, несомненно, взаимосвязанных книг Никольского автор статьи видит в главах 1 (первой книги) – «Историсофский контекст» – и 5 (второй книги) – «Фантазия, вера и фанатизм – фундаментальные свойства *советского*». Суждения Никольского часто отличаются полемичностью, хотя нет необходимости включать спор в систему обсуждения книг, ибо мнения философа обоснованны и широко развернуты. Таково, скажем, его суждение о том, что «феномен “советское”», как показала история, мог возникнуть исключительно в России» [Никольский, 2023, с. 29]. Формально автор не прав, ибо аналогичные советским, социалисти-

ческие по своей ориентации государства возникали и в Европе (Германия), и в Латинской Америке (Куба). Но внимательно прочитав суждение Никольского, видим в нем понятие «феномен», которое требует достаточно широкого и теоретически обоснованного представления, в силу чего – почему бы с автором не согласиться?

Автор книг видит историософский контекст в относительно недавнем по отношению к советскому государству времени (конец предшествующего и начало данного столетия), хотя не отказывается и от апелляции к опыту Византии [Никольский, 2023 с. 46–50], а также к социокультурной проблематике татаро-монгольского нашествия [Никольский, 2023, с. 53–63]. В истории России делается акцент на определенном социальном устройстве («советы»), в политико-идеологическом смысле речь идет о «советизации», уверенно встраиваются суждения в опыт работы коммунистической партии, обозначаются хронологические рамки (которые автор книг видит после Октября 1917 года). Однако, помимо хронологии и относительно небольшого национально-исторического опыта, Никольский в качестве контекста обозначает и систему, как он это справедливо называет, «богатой историософской традиции отечественного философского наследия» [Никольский, 2023, с. 36]. Важной особенностью главы, посвященной историософскому контексту, у С. Никольского полагаем органически объединяемые исторические и философские представления, в силу чего сам термин «историософский» носит не формальный, а содержательно значимый характер; этот принцип поддерживается в работе опорой на труды не только исследователей-современников, но и выдающихся предшественников, например, Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка [Никольский, 2023, с. 40]. Согласимся, именно у этих авторов история России и ее философское постижение носили достаточно определенный характер.

Особо отметим и подчеркнем еще раз: при всей решительности суждений Никольского его книги не вызывают потребности спора. Его идеи построены таким образом, что не случайно и не мимоходом высказываются. В частности, некоторые из суждений уже были апробированы ранее, и потому сегодня воспринимаются как убедительно и четко излагаемые. Такова, полагаем, мысль Никольского о российских константах – это касается и понятийного аппарата («русские константы»), и содержания понятий, в число которых автор относит «константы им-

перии, самодержавия», добавляя к ним представления о «власти и собственности», «народа» и «православия» [Никольский, 2023, с. 41]. Распадение/разрушение этих констант, по мысли Никольского, с которой можно не согласиться, но доказательность которой нельзя не признать, – это и есть проявление историософского контекста *советского* [Никольский, 2023, с. 80–81].

Краткость и при этом масштабность приведенного перечня российских констант, как представляется, позволяет согласиться с их историософским содержанием.

В силу традиционного для него внимания к социально-экономическим, даже «производственным» вопросам Никольский уделяет внимание и этому аспекту историософского контекста *советского*. Специфическое национально-культурное, социально-нравственное восприятие жизненных реалий русским помещиком или мужиком непременно учитывается Никольским; не «верхи», а «низы» и «середина» народа постоянно привлекают внимание автора. Упоминая такое понятие, как «общинная демократия», автор исследования интерпретирует контекст, о котором было упомянуто ранее, максимально широко, и это уже касается «русского марксизма».

В своих построениях, представленных последовательно и логично в двух книгах, **Никольский осуществляет сочетание лирического мирозерцания и научного анализа** преломленной в литературе действительности, опираясь на «необходимость и высокую ценность фантазии» [Никольский, 2024, с. 159]. Мы говорим о **главе 5 (книги 2)**, название которой привлекает оригинальным глубоким сочетанием понятий: «Фантазия, вера и фанатизм – фундаментальные свойства советского». Следует подчеркнуть, что автора книг интересует не каламбурность текста, а неожиданные «рифмы» смыслов. Что и представляет собой источник особого значения его книг.

В названной главе 5 по ходу рассуждений, со ссылкой на В. Ленина, возникает противопоставление *реальности* и *фантазии*, но параллельно существует такая категория (концепт!), как вера. Причем если первые две категории существуют как объективная данность социально-политической сферы, то третья – *фанатизм* – рассматривается как «необходимое политическое и идеологическое требование» [Никольский, 2024, с. 161]. Как обычно это бывает у Никольского, выбор эмпирического материала определен и по-своему убедителен: А. Платонов (как

полагаем, в нем заключена для философа фантазия) и Н. Островский (как полагаем, в нем – вера). Разграничивая названным образом поэтику и политические воззрения двух писателей с открытым социальным темпераментом, мы считаем, что категория веры воплощена в личностях и творчестве обоих. Великолепно владея фактурой художественных текстов, Никольский парадоксально интерпретирует отдельные произведения и суть творчества Платонова и Островского. Наряду с политическими и нравственными аспектами творчества писателей, Никольский особое внимание уделяет «старухе с косой», смерти, тонко отмечая и частоту употребления упоминаний, и соединение фанатизма и смерти (у Платонова), и особый модус творчества «правоверного большевика, фантазера и фанатика» встретившего со смертью в достаточно молодом возрасте – Островского [Никольский, 2024, с. 190] и вызывающего рассуждения о страдании бытовой кошмарно-неустроенной жизни людей, которые, страдая не меньше Островского, делали это «не в санаториях, а на мусорниках» [Никольский, 2024, с. 194]. Заданный в начале первой книги историософский дискурс политической проблематики обретает конкретные, отчасти бытовые черты, что характерно для теоретических, аналитических, исследовательских интенций Никольского и что придает его сочинениям остроту и остроумие, четкость построения и нетерпимость к жизненной жестокости.

Как видим, даже в сугубо теоретических построениях современный философ далек от абстрактности и, напротив, стремится к детальному проникновению в «плоть» художественных построений классиков русской культуры.

Резюме

Заключая наши рассуждения по поводу книг Никольского, обратим внимание на лаконичные, философски определенные и публицистически сформулированные их заголовки. Авторы, постоянно пишущие о теоретических и методологических проблемах, знают, какова сложность и значимость верно найденного заголовка.

Советское – прилагательное, употребленное Никольским в среднем роде и данное без существительного, является широким и значимым, самостоятельным понятием. Книга 1 содержит постановку проблемы, и рядом с *советским* в заголовке фигурируют два теоретически значимых концепта: «идея» и «практика». И то, что каждое из двух слов дано в единственном числе

(а, значит, речь идет о конкретном и определенном феномене), и то, что рядом стоят понятие-философема (идея) и понятие-текст (практика), – придают простоту, убедительность и решительную определенность следующей за этим заголовком книге. Книга 2 содержит разворот конкретных примеров и конкретного же анализа, развивая мысли, которые высказывались и доказывались по другим поводам этим автором: «философско-литературный анализ» – важное продолжение работ Никольского, который не раз настаивал на том, что русская литература (продолжая мысль Н. Бердяева о ней как о литературе добра и учительства) – это философствующая литература, а русские писатели – это писатели-философы.

В данных двух книгах они еще и пророки, провидцы и провозвестники. А *советское* предстает как сложная система, как структура, состоящая из нескольких уровней (социального, нравственного, художественно-эстетического) и множества ответвлений – философско-антропологических, межкультурных, групповых и массовых. *Советское* в версии Никольского многогранно и динамично. Именно в этом видится его архитектоника, проанализированная современным философом.

Универсальность идей Никольского о русской культуре и ее константах, таким образом, не только подтверждается его новыми книгами, но и развивается самим философом-исследователем.

Библиографический список

1. Вайль П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. Москва : Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
2. Злотникова Т. С. М. Горький 75 лет спустя: эстетический и жизненный контекст // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 268–272.
3. Злотникова Т. С. Философия и драма жизни: театральные опыты понимания Ф. М. Достоевского // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 3. С. 228–239.
4. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из жизни. Москва : Европа, 2005. 544 с.
5. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / ред.-сост. Ю. П. Сенокосов. изд. 2-е, изм. и доп. Москва : Прогресс, Культура, 1992. 414 с.
6. Никольский С. А. Горький и народ: новое слово в российской традиции народолюбия / С. А. Никольский // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 293–298.
7. Никольский С. А. Советское. Идея и практика. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2023. 392 с.

8. Никольский С. А. Советское. Философско-литературный анализ. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2024. 322 с.

9. Никольский С. А. Темпоральные экзистенциальные смыслы героев Достоевского и их большевистская реинкарнация // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 3. С. 32–55.

10. Смирнов Г. Л. «Советский человек: формирование социалистического типа личности». Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1980. 464 с.

11. Советское бытие: от ускорения до преодоления : научная монография / под науч. ред. С. А. Никольского, Т. С. Злотниковой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 569 с.

12. Тульчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 294 с.

13. Тульчинский Г. Л. Феноменология зла и метафизика свободы. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 484 с.

Reference list

1. Vajl' P. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka = 60-s. World of the Soviet man / P. Vajl', A. Genis. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 368 s.

2. Zlotnikova T. S. M. Gor'kij 75 let spustja: jesteticheskij i zhiznennyj kontekst = M. Gorky 75 years later: aesthetic and life context // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. T. 1. Gumanitarnye nauki. 2011. № 3. S. 268–272.

3. Zlotnikova T. S. Filosofija i drama zhizni: teatral'nyj opyt ponimaniya F. M. Dostoevskogo = Philosophy and drama of life: theatrical experience of understanding of F. M. Dostoevsky // Observatorija kul'tury. 2021. T. 18, № 3. S. 228–239.

4. Kozlova N. N. Sovetskie ljudi. Sceny iz zhizni = Soviet people. Scenes from life. Moskva : Evropa, 2005. 544 s.

5. Mamardashvili M. K. Kak ja ponimaju filosofiju = The way I understand philosophy / red.-sost. Ju. P. Senokosov. izd. 2-e, izm. i dop. Moskva : Progress, Kul'tura, 1992. 414 s.

6. Nikol'skij S. A. Gor'kij i narod: novoe slovo v rossijskoj tradicii narodoljubija = Gorky and the people: a new word in the Russian tradition of people's love / S. A. Nikol'skij // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 4. S. 293–298.

7. Nikol'skij S. A. Sovetskoe. Ideja i praktika = Soviet. Idea and practice. Moskva ; Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2023. 392 s.

8. Nikol'skij S. A. Sovetskoe. Filosofsko-literaturnyj analiz = Soviet. Philosophical and literary analysis. Moskva ; Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2024. 322 s.

9. Nikol'skij S. A. Temporal'nye jekzistencial'nye smysly geroev Dostoevskogo i ih bol'shevistskaja reinkarnacija = The temporal existential meanings of Dostoevsky's heroes and their Bolshevik reincarnation // Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2021. T. 5, № 3. S. 32–55.

10. Smirnov G. L. Sovetskij chelovek: formirovanie socialisticheskogo tipa lichnosti = Soviet man: formation of a socialist personality type. Moskva : Izd-vo polit. lit-ry, 1980. 464 s.

11. Sovetskoe bytie: ot uskorenija do preodolenija = Soviet being: from acceleration to overcoming : nauchnaja monografija / pod nauch. red. S. A. Nikol'skogo, T. S. Zlotnikovoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 569 s.

12. Tul'chinskij G. L. Politicheskaja kul'tura Rossii: istochniki, uroki, perspektivy = Political culture of Russia: sources, lessons, prospects. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2018. 294 s.

13. Tul'chinskij G. L. Fenomenologija zla i metafizika svobody = Phenomenology of evil and metaphysics of freedom. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2018. 484 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.